

Судье Порубовой М.В.

Подсудимый: Шипилов Алексей Викторович
по уголовному делу № 1-112/2026

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Уважаемый суд!

Сегодня наступил момент, когда завершается длительное судебное разбирательство, и суд должен принять итоговое решение, определяющее не только исход уголовного дела, но и всю мою дальнейшую жизнь, судьбу моей семьи и моих детей.

Я выступаю перед вами лично и со всей процессуальной и гражданской ответственностью заявляю: получение взятки (статья 290 УК РФ) и превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ) я категорически не признаю. Моя позиция о невиновности основана не на эмоциях, а на исследованных в судебных заседаниях фактах, документах и нормах материального и процессуального права.

1. О несостоятельности обвинения в получении взятки (ч. 6 ст. 290 УК РФ)

Меня обвиняют в том, что на протяжении 2023–2024 годов я систематически получал через Филатова денежные средства в сумме 7,5 миллионов рублей от бенефициаров ООО «УК «Диалог» за содействие коммерческой деятельности компании и ее общее покровительство.

Однако в ходе судебного процесса эта обвинительная конструкция была трансформирована:

1.1. В прениях сторон государственный обвинитель официально заявил об исключении квалифицирующего признака «общее покровительство по службе». Тем самым обвинение исключило юридическую связь, объединяющую «периодические выплаты» 2023–2024 годов с переходом домов, который был полностью завершен еще в мае 2021 года. С момента перехода домов прошло более двух лет, Колодич скончался в июне 2023 года. Ни одного конкретного служебного действия, которое я должен был совершить или совершил в 2023–2024 годах в пользу этой управляющей компании за вменяемые миллионы, сторона обвинения не назвала.

1.2. Единственным источником утверждения о передаче мне денег является свидетель Филатов, чьи показания давались под стражей в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве ради облегчения собственной участи. Но даже сам Филатов при допросе в суде на прямые вопросы защиты категорически заявил, что не считает себя взяткодателем, не знает, кто является взяткодателем, а поручений на дачу взятки мне никто не давал. *Позиция лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и дающего показания в отношении предполагаемого соучастника, обусловлена его собственным процессуальным интересом в исходе дела, в силу чего его показания не могут признаваться априори нейтральными и объективными, а требуют обязательной и критической проверки независимыми доказательствами.*

Полагаю не существует понятия «взятки без взяткодателя» и без встречного служебного поведения.

Главным и непосредственным побудительным мотивом для оговора меня со стороны Филатова А.С. явилось уголовное преследование самого Филатова А.С. и заключение им сделки со следствием:

В отношении Филатова А.С. расследовалось уголовное дело № 12402711001000348 по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 8 ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп в особо крупном размере, совершенный организованной группой). Санкция данной статьи предусматривает лишение свободы на срок от 7 до 12 лет со штрафом в размере до пятидесятикратной суммы подкупа.

Филатов А.С. был задержан и заключен под стражу. Нахождение в условиях изоляции от общества создало условия жесткого психоэмоционального и физического давления, под воздействием которого фигурант искал любой процессуальный способ выйти на свободу.

Обязательным условием применения льготного порядка правосудия и последующего смягчения наказания по ч. 2 и ч. 4 **ст. 62 УК РФ** (сокращение максимального срока наполовину) является активное способствование изобличению *других соучастников* либо раскрытию *иных, более тяжких преступлений*.

Ценой свободы для Филатова стали показания против меня — экс-первого заместителя Губернатора региона. Результат оговора наступил незамедлительно: сразу после дачи первоначальных показаний мера пресечения Филатову была изменена на не связанную с лишением свободы, а его уголовное дело было выделено в отдельное производство для рассмотрения в особом порядке.

В ходе судебного следствия выяснилось, что денежные потоки, циркулировавшие внутри коммерческого контура ООО «УК «Диалог», не имели подтвержденного документального назначения:

Свидетель Мирзоян М.Г. подтвердил, что систематически аккумулировал наличные средства, поступавшие от субподрядных организаций («откаты» и теневая выручка), после чего упаковывал их и передавал лично Филатову А.С. При этом Мирзоян подчеркнул, что никогда не слышал от Филатова фамилии Шипилова.

Филатов А.С., являясь фактическим бенефициаром компании после смерти Колодича А.В. (июнь 2023 года), единолично принимал и распределял миллионные суммы наличных денег. Создание фиктивной версии о том, что эти средства предназначались не ему, а якобы ежемесячно отдавались первому заместителю Губернатора за «покровительство», позволило Филатову:

1. Скрыть факт личного обогащения и присвоения этих денег;
2. Избежать вменения составов хищения чужого имущества, растраты (ст. 160 УК РФ) либо легализации преступных доходов (ст. 174.1 УК РФ).

При обыске на дачном участке было изъято лишь 350 000 рублей и резинка (на которых мои следы ДНК отсутствуют). Куда исчезли остальные вменяемые 7,15 млн рублей, следствие так и не установило, безоговорочно поверив Филатову на слово, что все они якобы были переданы Шипилову в черных папках.

Дача взятки должностному лицу (ст. 291 УК РФ) либо коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) влекут строгую уголовную ответственность. Именно поэтому Филатову было жизненно необходимо дистанцироваться от роли инициатора коррупционных преступлений:

Статус Филатова без моего оговора - Организатор преступной группы по сбору поборов с подрядчиков ЖКХ и взяточдатель, действующий в личных корыстных интересах (ч. 8 ст. 204, ч. 5 ст. 291 УК РФ — до 15 лет лишения свободы).

И его же статус, с моим оговором - вынужденный «посредник», исполнявший чужую волю под административным давлением высокопоставленного чиновника. Правда не ясно чью же волю исполнял Филатов, ведь с его слов, умерший Колодич его об этом не просил.

Именно этим объясняется абсурдное поведение Филатова в судебном заседании:

На вопрос защиты: *«Вы являетесь взяточдателем?»* он ответил: *«Нет, я считаю себя посредником»*.

На вопрос: *«Кто взяточдатель?»* Филатов ответил: *«Я не знаю»*.

На вопрос: *«Кто поручил вам передавать деньги?»* он показал: *«Никто»*.

Обвинив меня, Филатов попытался искусственно сконструировать конструкцию, при которой он сам якобы являлся лишь пассивным передаточным звеном («курьером»), освобождающимся от ответственности в силу примечания к **ст. 291.1 УК РФ** или досудебного соглашения.

Между мной и Филатовым действительно происходили встречи и телефонные переговоры, однако их предмет был цинично искажен свидетелем:

В 2023 году перед руководством регионов стояли критически важные задачи по комплектованию Вооруженных Сил РФ военнослужащими по контракту. Между муниципалитетами и регионами шла жесткая конкуренция за привлечение контрактников на военную службу. Я в рамках своих обязанностей по внутренней политике говорил с главами городов (включая мэра Сургута Филатова) о поиске законных внебюджетных источников (спонсорской и благотворительной помощи крупного бизнеса) для усиления работы по набору на контракт, выплат рекрутерам, материального поощрения добровольцев и материально-технического обеспечения выездов в зону СВО.

Филатов, отлично зная о непубличном характере обсуждений оперативных вопросов СВО и отсутствии строгой бюрократической фиксации таких диалогов, использовал сам факт этих встреч и телефонных соединений. Он наложил на реальные контакты вымышленную фабулу: рабочие обсуждения спонсорской помощи армии он представил следователям ФСБ как «вымогательство взяток за покровительство управляющей компании «Диалог». Это позволило придать его показаниям внешнее правдоподобие, привязав их к реальным датам совместных встреч.

Между мной и Филатовым на протяжении длительного времени накапливался скрытый конфликт, порожденный неоправдавшимися бизнес-ожиданиями Филатова:

Создавая в 2017 году частную компанию «Диалог», Филатов и его партнер Колодич рассчитывали на безусловную административную поддержку окружной власти, зайдя на рынок услуг ЖКХ Нижневартовска. Однако, как показали допрошенные экс-мэры Тихонов и Кощенко, я последовательно требовал действовать *«строго в рамках закона»*, не давал незаконные приказы о директивной передаче домов и не препятствовал проверкам Службы жилищного надзора.

Перешедшие в частную компанию дома оказались старым фондом со значительными долгами населения (неплатежи достигали 4–5 млн руб. ежемесячно), а жители отказывались массово переходить в новую УК без реального улучшения сервиса. Филатов неоднократно высказывал недовольство мной, жаловался другим руководителям округа, утверждая, что власть им «не помогает», а чиновники Нижневартовска поддерживают конкурентов («Данко», «Клевер»).

Оказавшись под следствием за собственные махинации в ЖКХ, Филатов испытал естественное желание отомстить куратору внутренней политики, который не обеспечил ему ожидаемой административной поддержки и оставил один на один с уголовным преследованием.

Смерть ключевого бенефициара ООО «УК «Диалог» Колодича А.В. в июне 2023 года создала идеальную почву для моего оговора:

Понимая, что Колодич уже никогда не сможет явиться на допрос, опровергнуть показания или принять участие в очной ставке, Филатов выстроил показания на ссылках на «слова покойного».

Все ключевые моменты — якобы имевшую место договоренность 2017 года, первоначальный размер взятки (500 тыс. руб. в месяц), передачу закрытых пакетов — Филатов преподносит со словами: «Мне об этом сказал Колодич перед смертью, сам я деталей не уточнял». Проверить эту версию допросом самого Колодича уже невозможно.

Таким образом, показания Филатова А.С. ни что иное как оговор, продиктованный стремлением спасти собственную свободу и имущество ценой уголовной расправы над невиновным должностным лицом.

1.3. На исследованных купюрах моей ДНК не обнаружено. Заключение генетической экспертизы № 742 установило, что на купюрах из пачки в 350 тысяч рублей, изъятой в мое отсутствие на дачном участке, обнаружены следы посторонних неизвестных лиц, при этом происхождение исследованного биологического материала от меня, Филатова и Мирзояна категорически исключено. Заключение № 742 не подтверждает, что эти деньги находились в моих руках.

1.4. Мои контакты с Филатовым в 2023 году носили открытый, государственный характер. Мы обсуждали выполнение поставленных перед округом задач по набору граждан на военную службу по контракту в рамках СВО, создание условий материального стимулирования добровольцев и привлечение законной благотворительной помощи коммерческих предприятий для закрытия оперативных потребностей обеспечения бойцов. Никаких взяток,

никаких личных денежных вознаграждений за интересы управляющих компаний я никогда не требовал, не обсуждал и не получал. Попытка следствия представить рабочие обсуждения государственных оборонных задач как коррупционную сделку по ЖКХ противоречит материалам дела и действительности.

2. Об отсутствии превышения полномочий и тяжких последствий (ст. 286 УК РФ)

Следствие утверждает, что я давал незаконные распоряжения главе Нижневартовска Тихонову о передаче 180 домов в УК «Диалог», что якобы повлекло банкротство муниципального предприятия АО «УК № 2».

Это утверждение полностью опровергнуто ходом судебного следствия:

2.1. Местное самоуправление самостоятельно. Я, занимая должность в Правительстве округа по направлению внутренней политики, не обладал и не мог обладать административно-командными полномочиями в отношении главы города по вопросам ЖКХ.

2.2. Сам, свидетель Тихонов, под присягой в суде прямо показал: «Шипилов мне никогда не говорил нарушать законодательство. Всегда говорил действовать в рамках законодательства». Никаких указаний подделывать протоколы, обходить жильцов или давить на управляющие компании я не давал. Переход домов происходил на основании решений общих собраний собственников (ОСС) по правилам Жилищного кодекса РФ, и ни одно из этих решений судом недействительным не признано.

2.3. В суде с непреложностью установлено отсутствие признака «тяжких последствий» и причинно-следственной связи с моими действиями. Финансовые документы общества показывают, что АО «УК № 2» находилось в состоянии глубочайшего кризиса задолго до 2018 года: долги свыше 800 миллионов рублей накопились еще в 2012–2016 годах. А обвал выручки в 2019 году на 80,4% был вызван переходом на прямые расчеты жителей с ресурсоснабжающими организациями через ЕИРЦ (выпало 1,32 миллиарда рублей транзитных платежей), а не переходом спорных домов.

2.4. Специалист обвинения Любавина в судебном заседании подтвердила, что комплексного многофакторного анализа причин банкротства не проводила. Следовательно, её исследование не устанавливает, что именно переход домов привёл предприятие к банкротству.

Уважаемый суд!

Защита добивалась проверки каждого из этих обстоятельств. Мы представляли документы, обеспечивали явку специалистов, просили вызвать свидетелей и назначить экспертизы. Я хочу напомнить, как суд рассматривал эти требования и в каких условиях мы защищались от обвинения.

С первых дней судебного разбирательства моя защита была поставлена в неравные условия с обвинением. Суд занял обвинительную сторону. По мере рассмотрения дела эта позиция проявлялась всё отчётливее, а к завершению процесса превратилась в последовательность конкретных действий, не оставляющих у меня сомнений: В ходе процесса сторона защиты оказалась в условиях жесткого ограничения процессуальных прав предусмотренных законом для проверки обвинения.

Ещё в начале разбирательства возникла история с моей доставкой в суд. Я находился под домашним арестом в Ханты-Мансийске, по месту проживания моей семьи. Сначала уголовно-исполнительная инспекция доставляла меня на заседания, затем доставка стала срываться, а после последовал отказ меня возить.

В результате место моего домашнего ареста перенесли в Сургут. Неисполнение государственным органом своих обязанностей обернулось ограничениями для меня, разлукой с семьёй и необходимостью организовывать жизнь в другом городе. Так начиналось рассмотрение моего дела.

10 февраля из судебного зала удалили журналистов. Процесс закрыли по ходатайству прокурора со ссылкой на расследования в отношении других людей. Защита требовала назвать конкретные сведения, разглашение которых необходимо предотвратить. Надлежащего обоснования мы не получили. Решение о закрытии суд принял на месте.

Незаконное закрытие процесса лишило общественность возможности видеть, как исследуется обвинение и как суд обращается с защитой. За закрытыми дверями остались наши вопросы, возражения, ходатайства и отказы, которыми на них отвечали.

При исследовании письменных доказательств прокурор нередко называл документ и сообщал собственное толкование того, что он якобы подтверждает. Защита требовала обратиться к содержанию документа. Суд поддерживал выбранный обвинением порядок.

Тогда нам обещали такую же возможность исследовать доказательства: «Вам будет предоставлено право исследовать доказательства, так как Вы считаете нужным».

Но когда очередь дошла до защиты, нас стали останавливать. Не давали прочитать необходимые части документов, раскрыть их содержание, последовательно изложить основания ходатайств. То, что разрешалось обвинению, превращалось в нарушение порядка, когда это делала защита.

Особенно ярко отношение суда проявилось в вопросе о свидетелях.

Ещё при ознакомлении с материалами дела мы заявили, каких лиц необходимо вызвать для подтверждения позиции защиты. В обвинительном заключении эта позиция надлежащего отражения не получила. В суде отсутствие отдельного списка свидетелей защиты стали использовать против нас.

Мы просили исследовать протокол ознакомления с делом, в котором наше заявление было зафиксировано. Суд отказал исследовать даже этот документ. Нам отказали в вызове свидетелей и одновременно отказали в проверке документа, подтверждавшего, что мы своевременно требовали их вызвать.

25 июня суд продлил мой домашний арест, ссылаясь в том числе на риск воздействия на свидетелей. В том же заседании защите отказали в их вызове и допросе.

Причём суд объяснил отказ тем, что допрос этих людей увеличит доказательственную базу в отношении меня и этим может нарушить моё право на защиту.

Мы требовали допроса. У нас были вопросы. Мы объясняли, какие противоречия необходимо проверить. Суд заранее решил за нас, какое значение будут иметь ответы людей, которых он ещё не выслушал.

В августе позиция суда продолжала меняться. Сначала защите выдали судебные повестки для вызова нескольких свидетелей. На следующий день в выдаче таких же повесток другим заявленным лицам отказали, потому что это будет означать их вызов судом.

Нас отправляли самостоятельно обеспечивать явку людей, которых мы не могли обязать прийти. Затем отсутствие этих людей становилось препятствием для исследования доказательств защиты.

По Светашевой мы сообщили о неправильном адресе, невозможности обеспечить явку своими средствами и подготовленных вопросах. Прокурор не возражал против выдачи повестки защите. Суд всё равно отказал.

Мухаметзянову, обстоятельства назначения которой занимают место в обвинении, суд по нашему ходатайству также не вызвал. Обвинение

использовало этот эпизод, а возможности задать вопросы самой Мухаметзяновой нам не предоставили.

Отдельно скажу о Коротаеве.

Он непосредственно участвовал в событиях, которые нам вменяют. Знал положение управляющей компании, действия городской администрации и обстоятельства перехода домов. У защиты были вопросы о его собственной роли и причинах банкротства УК № 2.

Суд сослался на его нахождение в Австрии и иностранные документы. Эти документы не прошли надлежащего перевода и исследования. На их основании суд разрешил заменить непосредственный допрос оглашением прежних показаний.

Защитники предлагали обеспечить участие Коротаева, в том числе дистанционно. Вместо ответов на наши вопросы в зале прозвучали выбранные обвинением показания из материалов следствия, включая очную ставку.

Когда защитник указал на другие протоколы Коротаева, суд ответил: «Это право стороны обвинения».

В итоге обвинение получило возможность выбрать, что суд услышит от отсутствующего свидетеля. Защита возможности задать ему свои вопросы не получила.

Не менее показательная история произошла с водителем Филатова Бычиным.

Он пришёл давать показания с адвокатом Филатова. При нём находились подготовленные письменные материалы с контактным номером этого адвоката. Эти обстоятельства обнаружились непосредственно в заседании.

Мы потребовали приобщить документы и проверить происходившее перед допросом по записям камер и журналу посетителей. Самостоятельно получить эти сведения защите не позволили. Суд в их истребовании отказал.

Возник вопрос о подготовке свидетеля человеком, представлявшим интересы Филатова, — и объективную проверку этого вопроса проводить не стали. Ограничивались и мои вопросы Бычину об обстоятельствах получения им материалов.

Мы также требовали истребовать досудебное соглашение Филатова, проверить его обязательства и условия сотрудничества с обвинением. Нам отказали.

Просили получить решения по выделенным из нашего дела материалам в отношении Филатова, Тихонова, Коротаева, Дадеркина и других лиц. Эти

документы были необходимы для проверки их положения, заинтересованности и самостоятельной роли в тех же событиях. Суд отказал и в этом.

Следующий ряд отказов касается специальных знаний.

По заключению о ДНК защита представила исследование специалистов, указавших на нарушения и недостатки экспертизы обвинения. Мы просили исследовать их заключение, допросить специалистов, явку которых обеспечили, вызвать эксперта обвинения и назначить повторную экспертизу.

Нам последовательно отказали в этих способах проверки. Заключение обвинения осталось в деле, а представленную защитой проверку этого заключения суд исследовать не стал.

1 октября в суд прибыл экономист Поповцев. Его исследование касалось финансового состояния УК № 2 и проблем, возникших до вменяемых мне событий. Суд отказал в исследовании заключения и в допросе явившегося специалиста.

2 октября прибыл специалист Поминов, подготовивший психолого-лингвистическое исследование показаний. Его также не допустили к допросу. Отказывая в допросе специалистов, явившихся в суд по инициативе защиты, суд нарушил прямой запрет части 4 статьи 271 УПК РФ.

Защита просила организовать допрос Чекмезовой, участвовавшей в подготовке правового заключения, по видеоконференц-связи из Омска. Мы назвали конкретный суд, предложили другой суд на случай невозможности связи и просили определить иную дату, если предложенная не подходит. Допрос организовать отказались. С формулировкой, что это специалисты защиты.

При этом специалист обвинения Любавина была допрошена. Возмездный характер её работы и объём предоставленных ей материалов этому не помешали. Аналогичные обстоятельства использовались для отказа специалистам защиты.

Суд заранее оценивал показания специалистов, которых ещё не допросил. Они прибыли, чтобы ответить на вопросы, но их не выслушали, уже объявляя предполагаемые показания недопустимыми.

Одновременно суд высказывался о допустимости и достаточности экспертизы обвинения, отказав защите в допросе её автора и повторной проверке. Эти оценки прозвучали ещё до завершения судебного следствия и удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Так результат исследования предreshался до самого исследования: доказательства обвинения объявлялись достаточными, а доказательства защиты отвергались прежде, чем суд услышал людей, готовых их разъяснить.

По банкротству УК № 2 мы заявили отдельное ходатайство о судебной финансово-экономической экспертизе.

Просили установить, когда возникла неплатёжеспособность предприятия, как повлияли накопленные долги, присоединение ЖТ № 2, изменение расчётов через НРИЦ, прямые договоры и переход домов. Просили проверить, могло ли предприятие погасить свои обязательства, даже если бы сохранило все 180 домов.

Суд отказал назначить экспертизу.

Мне вменяют банкротство предприятия как тяжкие последствия моих действий. Но исследование, которое должно было установить действительные причины этого банкротства, проводить отказались.

Отдельно мы представили аудиторские документы за 2017 год — о состоянии компании до начала вменяемых событий. Суд отказал исследовать их, сославшись на то, что 2017 год не входит в период обвинения.

Причины банкротства требовалось искать в финансовой истории предприятия. Суд исключил из исследования именно ту часть этой истории, которая предшествовала обвинению.

На протяжении процесса мы неоднократно просили вернуть дело прокурору. Указывали на неопределённость обвинения, неустановленный вред, отсутствие разграничения последствий и нарушение права вызвать свидетелей защиты.

В июне суд признал нового потерпевшего и высказался о фактически причинённом ему вреде. Затем прокурор сообщил, что ещё предстоит установить, причинялся ли вред вообще, в каком размере и какова причинная связь. Но наши требования устранить эти противоречия были отклонены, а в экспертной проверке отказано.

Возвращались даже письменные ходатайства защиты.

Защитника останавливали, требовали перейти сразу к просительной части, обещали приобщить документ. Затем отказывали и возвращали ходатайство вместе с приложениями. В деле не оставалось самого письменного обоснования того, какую проверку мы требовали.

А перед прениями нам напомнили, что нельзя ссылаться на доказательства, которые не исследованы судом.

Сначала суд препятствовал их исследованию. Затем созданное им отсутствие исследования стало препятствием для использования этих материалов в прениях.

1 октября моё заявление о намерении дать показания после исследования доказательств защиты суд расценил как отказ от показаний и огласил мои показания со следствия. Я заявлял о готовности говорить. Суд придал моим словам противоположный смысл.

История с назначенным адвокатом стала продолжением этой последовательности.

У меня были два защитника по соглашению. От исполнения своих обязанностей они не отказывались. Суд заранее знал об их занятости. Ещё в мае, когда оба защитника находились в заседании, мне предложили искать других адвокатов.

В сентябре, когда я оказался в больнице, адвокат М.В. Грабовский предпринял конкретные действия для участия в заседании по видеоконференц-связи. К назначенному времени он прибыл в суд в Ханты-Мансийске. Необходимого поручения для связи из Сургута не направили. Возможность участия моего защитника не обеспечили, а затем, сославшись на отсутствие адвокатов, без их уведомления назначили мне защитника по назначению.

Так последовательно создавались условия для навязывания мне назначенной защиты. Назначенный адвокат не был подготовлен к делу, позицию со мной не обсуждал и не согласовывал. Мои возражения и требования предоставить время для полноценной защиты были отклонены.

Всё это происходило на фоне тяжёлого ухудшения моего здоровья.

9 сентября из суда меня увезла скорая помощь. Я перенёс инсульт. После стационарного лечения, в день выписки, уже через два часа я участвовал в заседании. Процесс продолжили в интенсивном ежедневном режиме, несмотря на необходимость дальнейшего лечения и реабилитации. Поначалу мне даже отказали в посещении больницы, необходимом сразу после выписки. На справки о нетрудоспособности после инсульта суд также не реагировал и интенсивность заседаний не снизил.

Мы неоднократно просили назначить судебно-медицинскую экспертизу, чтобы объективно определить возможность моего участия и допустимую нагрузку. В экспертизе отказали.

О каждом из этих нарушений мы заявляли своевременно. Подавали ходатайства, возражения, отводы судье и прокурору, жалобы. Требовали

проверить конкретные обстоятельства, выслушать конкретных людей, исследовать конкретные документы.

Перед судом были люди, готовые дать пояснения. Были документы, которые можно было прочитать. Были вопросы, которые можно было поставить экспертам. Были объективные сведения, которые можно было истребовать.

Суд последовательно закрывал эти возможности для защиты.

Эти нарушения вынуждали нас неоднократно заявлять отводы председательствующему судье. В каждом случае мы указывали конкретные обстоятельства, свидетельствовавшие об утрате судом беспристрастности. Однако все отводы были отклонены. Наши возражения не привели к устранению нарушений — ограничения права на защиту продолжались до завершения судебного следствия.

И теперь мне предлагают ждать решения, основанного на доказательствах, от проверки которых нас отстраняли.

Моё право на защиту существует не только на бумаге. Оно означает возможность проверить обвинение, поставить вопросы его свидетелям, представить свои документы и быть услышанным.

Этой возможности меня последовательно лишали. Именно поэтому я говорил и говорю об утрате судом беспристрастности в судебном следствии. За этим выводом стоит весь ход процесса — от первых заседаний до завершения судебного следствия.

Все перечисленные отказы касались обстоятельств, от которых зависит само существование предъявленного мне обвинения.

Защита требовала проверить: получал ли я взятку, за какие конкретные действия, какие полномочия превысил, кому причинил вред и каким образом мои действия привели к банкротству предприятия.

Именно на эти вопросы обвинение должно было дать доказанные ответы. Таких ответов судебное следствие не дало.

Вместо ответа на вопрос, почему предприятие обанкротилось, мне предъявили сам факт его банкротства.

Меня нельзя признать виновным за предполагаемую договорённость, неподтверждённое указание и последствия, причины которых не установлены.

Под конец процесса в прениях прокурор заявил, что общее покровительство следует исключить из описания преступления и квалификации моих действий.

Но именно с общим покровительством обвинение ранее связывало предполагаемые ежемесячные выплаты. Теперь эту часть обвинения больше не поддерживают, а всю сумму — семь с половиной миллионов рублей — продолжают предъявлять мне как взятку. За какие конкретные служебные действия предназначалась вся эта сумма и чем это доказано — обвинение должно объяснить.

Одновременно меняется описание самих действий. Просьбы и уговоры превращаются в указания. Удержание домов, описанное применительно к более поздним событиям, включается в другую последовательность и добавляется к обвинению в превышении полномочий.

После всего расследования и судебного следствия обвинение продолжает менять ответ на главный вопрос: в чём именно состоит моё преступление?

Для меня это означает изменение того, от чего я должен защищаться: содержания действий, времени их совершения, людей, через которых они якобы осуществлялись. Мы задавали вопросы свидетелям и представляли доказательства применительно к предъявленному обвинению. А после завершения этой работы нам предлагают отвечать на изменённую версию.

Защита уже дважды указывала, что дело должно быть возвращено прокурору. Изменения в итоговой речи обвинителя подтверждают необходимость услышать наши доводы.

Нельзя исключить одну часть обвинения, а оставшиеся пробелы заполнить новыми утверждениями. Нельзя под видом уточнения приписать мне другие действия и вынести решение по обстоятельствам, от которых мне не предоставили возможности защищаться.

Пора услышать позицию защиты. Дело должно быть возвращено прокурору. А если суд разрешает его по существу — я должен быть оправдан. Недоказанное обвинение не может стать основанием обвинительного приговора.

3. Препятствия к вынесению приговора и основания для возврата дела прокурору

Защита дважды ставила вопрос о возвращении уголовного дела прокурору. Основания этих требований к завершению процесса не устранены.

Пункт 3 части 1 статьи 220 УПК РФ требует указывать в обвинительном заключении существо обвинения, место, время, способы совершения преступления и его последствия. Однако в предъявленном мне обвинении не определены время, место и точное содержание приписываемых мне незаконных

указаний. Не раскрыто, какие конкретно мои действия повлекли переход каждого из 180 домов и каким образом этот переход привёл к банкротству УК № 2.

Постановлением суда от 11 июня 2026 года потерпевшим признано АО «УК № 2». Однако обвинение в причинении имущественного вреда этому юридическому лицу на следствии мне не предъявлялось. Размер и характер вреда обществу не установлены. Не установлен размер вреда и первоначальному потерпевшему — администрации Нижневартовска.

Статья 252 УПК РФ ограничивает судебное разбирательство предъявленным обвинением. Его изменение не должно ухудшать положение подсудимого или нарушать право на защиту. Суд не вправе самостоятельно формулировать новые обстоятельства причинения вреда и восполнять неопределённость обвинения.

Защита добивалась проверки этих обстоятельств. Но нам отказали в исследовании документов, допросах специалистов и назначении экспертиз. А после завершения судебного следствия обвинение вновь изменило описание приписываемых мне действий.

Моё основное требование — оправдание. Получение мной взятки и совершение превышения должностных полномочий с тяжкими последствиями не доказаны.

Пункт 1 части 1 статьи 237 УПК РФ предусматривает возвращение дела прокурору, когда нарушения при составлении обвинительного заключения исключают возможность постановления приговора на его основе. Именно на такие препятствия защита указывала в своих ходатайствах.

Если суд не выносит оправдательный приговор и признаёт наличие этих препятствий, прошу возобновить судебное следствие в порядке статьи 294 УПК РФ и вернуть уголовное дело прокурору на основании пункта 1 части 1 статьи 237 УПК РФ.

Неопределённость обвинения и отсутствие доказательств моей виновности не могут быть преодолены вынесением обвинительного приговора.

Уважаемый суд!

Теперь я хочу сказать о том, что решение по этому делу означает за пределами судебного зала.

Есть вопросы, на которые человек может ответить спокойно, пока они не коснулись его самого.

Что страшнее: оставить виновного без наказания или наказать невинного? Как внимательно нужно проверять обвинение? Можно ли признать человека виновным, когда остались неустранённые сомнения?

Пока перед нами чужое дело, ответы кажутся очевидными. Сегодня перед вами моё дело. Для меня это моя жизнь, моё честное имя и будущее моей семьи.

Дома меня ждут жена и трое детей. Двое из них несовершеннолетние. Один ребёнок имеет инвалидность и ежедневно нуждается в моей помощи, заботе и непосредственной поддержке.

Для ребёнка решение суда не будет называться приговором по определённой статье. Для него оно будет означать, что папа не вернулся домой.

Он не разберётся в квалификации преступления. Не поймёт, почему одним словам поверили, а другим не придали значения. Он будет ждать, спрашивать маму, когда увидит отца, и пытаться понять, что случилось с его семьёй.

Я борюсь за возможность оставаться отцом каждый день. Разговаривать с детьми, когда им трудно. Быть рядом, когда они болеют. Видеть, как они взрослеют. Помогать жене и нести ответственность за нашу семью.

Детство не ждёт. Годы не возвращаются. Судебная ошибка забирает у близких время, которого впоследствии никто не сможет возместить. Для моего ребёнка, нуждающегося в постоянной помощи, моё отсутствие будет означать ещё и потерю необходимой ему ежедневной опоры.

За время уголовного преследования я перенёс ишемический инсульт, тяжело подорвавший моё здоровье. Мне необходимы дальнейшее лечение и систематическая медицинская реабилитация. Я хочу восстановиться, поддерживать детей, работать и приносить пользу своей стране.

Именно поэтому для меня так важна тщательная проверка каждого утверждения обвинения. За выводами по этому делу стоят конкретные человеческие судьбы.

Передача денег Филатову не доказывает получения взятки мной.

Исследование одного фактора ухудшения финансового состояния предприятия не устанавливает всех причин его банкротства. Любавина сама пояснила, что остальные причины не исследовала.

Мою просьбу встретиться, выслушать обращение и действовать в рамках закона нельзя превращать в требование закон нарушить.

Не заставляйте доказательства говорить больше, чем они говорят. За каждым таким расширением вывода стоит моя судьба.

Государство доверило суду власть решать человеческие судьбы. Вместе с этой властью оно возложило обязанность тщательно проверять основания обвинения и давать ответ на существенные доводы защиты.

Количество томов не устраняет противоречий. Уверенность обвинителя не заменяет доказательств. Неустранимые сомнения в виновности должны толковаться в пользу обвиняемого. Цена соблюдения этого правила — годы человеческой жизни и возможность детям расти рядом с отцом.

Мы часто говорим о семейных ценностях, защите детей и человеческом достоинстве. Сегодня эти слова имеют конкретный смысл — в жизни людей, которые ждут меня дома и всё это время несут вместе со мной последствия уголовного преследования.

После завершения процесса каждому из нас предстоит жить с памятью о своём участии в нём.

Я буду помнить, что сделал всё, чтобы защитить себя и своих близких, изложил своё объяснение и не согласился с обвинением в преступлениях, которых не совершал.

Я прошу для себя той тщательности и справедливости, которых каждый из нас пожелал бы своим близким. Чтобы всё существенное было услышано, противоречия проверены, а доводы защиты получили содержательный ответ.

На основании изложенного прошу суд:

1. Вынести в отношении меня оправдательный приговор по части 6 статьи 290 и пункту «в» части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации на основании пунктов 2 и 3 части 2 статьи 302 УПК РФ — за непричастностью к совершению преступления и за отсутствием в моих действиях составов указанных преступлений.

2. В качестве процессуальной альтернативы — в случае невозможности устранения судом существенных противоречий обвинения и грубых нарушений права на защиту, в соответствии со статьей 294 и пунктом 1 части 1 статьи 237 УПК РФ возобновить судебное следствие и вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению.

3. Если суд, вопреки моим доводам и представленным доказательствам об отсутствии состава преступления сочтет возможным признать виновным по обвинению в должностном преступлении — исключить признак причинения тяжких последствий в виде банкротства АО «УК № 2» как не находящийся в

причинной связи с моими действиями, переквалифицировать содеянное на часть 2 статьи 286 УК РФ, а по обвинению по части 6 статьи 290 УК РФ вынести оправдательный приговор.

4. В случае вынесения обвинительного приговора прошу не назначать мне наказание, связанное с реальным лишением свободы. С учётом моего тяжёлого состояния здоровья после перенесённого инсульта, необходимости дальнейшего лечения и реабилитации, данных о личности, положительных характеристик за весь период государственной службы, наличия двоих несовершеннолетних детей и ребёнка-инвалида, находящегося на моём иждивении, прошу признать совокупность указанных обстоятельств исключительной и применить статью 64 Уголовного кодекса Российской Федерации: назначить наказание ниже низшего предела либо более мягкий вид наказания — штраф. Если суд назначит наказание в виде лишения свободы, прошу применить статью 73 Уголовного кодекса Российской Федерации и считать назначенное наказание условным. Прошу предоставить мне возможность остаться с семьёй, продолжить лечение, заботиться о детях и честным трудом приносить пользу обществу и государству.

15 октября 2026 года

Подсудимый: _____ /Шипилов А.В./

